

Литература

1. Альберт Швейцер. Культура и этика / пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского; общ. ред. и предисл. В. А. Карпушина. — М.: Прогресс, 1973.
2. Античная литература / под ред. А. А. Тахо-Годи. — 2-е изд, перераб. — М.: Просвещение, 1973.
3. Кирющенко В. В. Знак и смысл // Ч. С. Пирс. Принципы философии. — СПб., 2001.
4. Человечество и цивилизация на пороге нового тысячелетия. — М., 1989.

УДК 2-1(44)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-147-154

ВОПРОС ВЕЧНОСТИ И МЕСТО БОГА В ФИЛОСОФИИ Б. ПАСКАЛЯ

© **Дари Шойбоновна Цырендоржиева**

доктор философских наук, профессор, Бурятский государственный университет

E-mail: dari145@mail.ru

© **Владимир Викторович Главатских**

дьякон, Христианская пресвитерианская церковь г. Улан-Удэ

E-mail: vm-mt@yandex.ru

В статье представлены взгляды Б. Паскаля о времени, вечности и о месте Бога в его философии в противопоставлении воззрениям Р. Декарта. Концепции времени Паскаля и Декарта тесно связаны, определены всей системой их научного и философского мировоззрения, поэтому разговор о времени в их творчестве — это, по сути, повествование о специфике философии каждого из них о мире и о Боге. В своем учении Паскаль пишет о потенциальной бесконечности, бесконечности пространства и времени, звезд и миров, Декарт же отстаивает актуальную бесконечность. При рассмотрении времени Декарт актуализирует модус настоящего. Актуализация настоящего у Декарта оптимизирует его отношение к жизни, в противовес трагическому мироощущению у Паскаля.

Если для Декарта Бог есть внешняя сила, Перводвигатель, придающий миру движение по законам классической механики, то для Паскаля Бог есть начало любви, в одно и то же время присутствующее в нас.

Ключевые слова: время, мирское время, священное время, вечность, бесконечность, потенциальная бесконечность, актуальная бесконечность, Бог, интуиция.

THE QUESTION OF ETERNITY AND THE PLACE OF GOD IN THE PHILOSOPHY OF PASCAL B.

Dari Tsyrendorzhieva

Doctor of Philosophy, Professor, Buryat State University

Vladimir Glavatskikh

Deacon Christian Presbyterian Church, Ulan-Ude

The article presents the views of B. Pascal time, eternity and the place of God in his philosophy in opposition to the views of R. Descartes . The concept of time of Pascal and Descartes are closely related, defined their entire system of scientific and philosophical worldview, so talking about time in their work is, in fact, the narrative about the specifics of the philosophy of each of them about the world and about God. In his teaching Pascal writes about the potential of infinity, the infinity of space and time, stars, and worlds, Descartes defends same actual infinity. When considering time Descartes actualizes the modus of the present. Actualization present in Descartes optimizes his attitude to life, in contrast to the tragic worldview Pascal.

If for Descartes, God is the external force, the Prime Mover, giving peace movement according to the laws of classical mechanics, Pascal's God is the beginning of love, at the same time, present in us.

Keywords: time, profane time, sacred time, eternity, infinity, potential infinity, actual infinity God, intuition.

Размышления о времени и вечности — это путь к осмыслению проблем смысла жизни, истины, свободы, творчества. Пожалуй, вся история философии — это разнообразные и порой незавершенные попытки решить данные проблемы. Исследование проблемы времени имеет значительную традицию в философии.

Принципиальный сдвиг в развитии пространственно-временных представлений произошел в эпоху Возрождения и Нового времени. Большое значение в понимании времени имеют концепции французских философов XVII в. Б. Паскаля и Р. Декарта.

Концепции времени Паскаля и Декарта тесно связаны, определены всей системой их научного и философского мировоззрения, поэтому разговор о времени в их творчестве — это, по сути, повествование о специфике сложного, парадоксального философствования каждого из них о мире и Боге... Многие писатели подчеркивали великий ум и такую же величайшую странность Паскаля. «Странность» Паскаля восходит, в первую очередь, к странностям самой эпохи, в которой он жил. Изменчивость, многоликость явлений этой культуры делают особенно заманчивым стремление уловить их сущность. В мироощущении эпохи Нового времени преобладали скепсис, колебания, мучительные сомнения в возможности познания и в самом бытии. Антитечно само мироощущение, восприятие времени, понимание разума. Его невозможно свести лишь к рационализму или к иррационализму. Математизм Декарта лишь одно из выражений его спиритуализма, а у Лейбница рациональное естественно сочетается с чудесным.

Коренным образом изменилось в XVII–XVIII вв. осмысление категории времени. Время имело аллегорический смысл, средневековые аллегории времени и вечности противопоставлялись, но могли и сближаться. Вечность отмечала своей печатью в мире только то, что постоянно, время же предполагало необратимость, быстротечность, преходящность. Но средневековье не знало категории безвременья, которое обозначает границу времени и вечности. Интерес к категории безвременья во многом был вызван трагической историей XVII века, войнами, обнаружившими хрупкость человеческого существова-

ния. Напряженность восприятия времени мыслителями той эпохи зафиксирована в теме бренности и соответствующих ей эмблемах: человек — мыльный пузырь, цветок, обреченный увясть, череп, догорающая свеча, исчезающий глас, которые встречаются в поэзии, живописи, литературе.

«Мысли о религии» Паскаля — это, по сути, размышления о неведении, которые пронизаны неслышанным дотоле динамизмом: «И как я не знаю, откуда пришел, так не знаю, куда иду, знаю только, что за пределами земной жизни меня ждет либо вековечное небытие, либо длань разгневанного Господа, но какому из этих уделов я обречен, мне никогда не узнать. Таково мое положение в мироздании, столь же неопределенное, сколь неустойчивое...» [5, с. 86].

Знаменитый образ «мыслящего тростника» был призван передать трагически парадоксальное бытие человека: величие этого самого слабого тростника в природе, во Вселенной — в его способности мыслить, осознавать себя несчастным, ничтожным. Человек в иерархической картине мира, состоящего из двух половин, словно проделывал путь по вертикали и горизонтали, преодолевая в себе то духовное, то плотское, возвышаясь от скорби к счастью и вновь опускаясь в бездну. Таков и сам Паскаль, и человек, о котором он пишет. Эпоха словно воплотила в Паскале максимально яркое создание человека, узревшего бездну и воспарившего от нее к небу. В аналогии Паскалю «нужен человек последнего отчаяния...» [4]. Ему нужна была нестерпимая пытка, боль и отчаяние, чтобы остаться «наедине с самим собой и Богом. В этом необычность и единственность мысли: кажется, в таком уединении с Богом и с самим собой не был никто из людей» [4].

Если Паскаль говорил о потенциальной бесконечности, бесконечности пространства и времени, звезд и миров, среди которых человек то возвышался до постижения Бога, то опускался в бездну, то Рене Декарт говорил об актуальной бесконечности, когда в определенном смысле «есть все», открывая свою бесконечность не в окружающем мире. Не в бесконечности звезд, как в образах Паскаля, но не со стороны ужаса и тоски человека перед Вселенной, перед звездными пространствами.

Создание нового метода мышления требует прочного и незыблемого основания, в противном случае выстроенное с помощью него здание может быть разрушено точно так же, как и прежние сооружения человеческого разума. Таким основанием, согласно Декарту, может быть только сам человеческий разум в его внутреннем первоисточке, в той точке, из которой растет он сам: это самосознание.

«Мыслю, следовательно, существую» — вот формула Декарта, выражающая сущность самосознания, и эта формула является, по Декарту, самым очевидным и достоверным из суждений, ибо обладает признаками ясности и отчетливости. Этим последние являются критериями истинности знания: «Ясным, — пишет Декарт, — я называю такое восприятие, которое очевидно и имеется налицо для внимательного ума...» [2]. И ясное, и отчетливое знание включает в себя момент очевидности; оба, стало быть, являются определениями знания через его отношение к сознанию. Но здесь возникает решающий вопрос: может ли сознание быть достаточно сильным гарантом, чтобы

нести возложенную на него миссию — быть залогом истины. Взятое само по себе, автономное, оно, по Декарту, такой силы не имеет.

Если говорить о декартовом понимании времени, то можно смело утверждать, что он актуализирует модус настоящего. Это объяснимо просто: акт мысли весь целиком содержится в мгновении, в неделимом настоящем. Следовательно, существование меня самого, не зависящего от смены причин, и есть суть декартовского акта когито; выпадение из бесконечной цепи обоснований и обращение к осознанию себя как несомненной очевидности. Текст Декарта подчеркивает актуализацию настоящего, в его стационарности, стремлении освободиться от всякой последовательности.

Поскольку, по всему смыслу философии Декарта, бытие есть акт, она позволяет одинаково пользоваться двумя выражениями, соотносимыми с мыслью: «полнота воли» или «бытие», «теперь, когда», «в момент, когда мыслю», «все время, пока вижу», «столь долго, сколько мыслю или пребываю в мысли», «когда случится помыслить, тогда», «каждый раз, когда». И Бог, и человек Декарта явлены целиком в настоящем, наличном бытии. Следовательно, основное, онтологическое переживание Декарта, которое лежит в сердцевине картезианского эксперимента, можно выразить следующим образом: как вообще что-то может длиться? Если допустить обратное, что время длится, в привычном нашем понимании, от прошлого к настоящему и будущему, — то образно его можно представить в виде потока. Но осознание событий в потоке чревато забыванием того, что уже пережито, когда по естественным свойствам психики подставляется вместо прожитой причины какая-то другая, воображаемая.

Мамардашвили комментирует это наблюдение: «Декарт же говорит, что время не есть время этого потока, естественного, природного потока, а время какого-то пребывания. И в этом пребывании нет смены состояний. Ведь обычно мы ассоциируем время со сменой состояний...» [3].

Актуализация настоящего у Декарта оптимизирует его отношение к жизни, в противовес трагическому мироощущению у Паскаля. «Смертные муки Иисуса Христа будут длиться до скончания мира — а потому все это время спать нельзя!» [8, с. 313]. Вспомним библейское. В Гефсиманскую ночь Иисус пришел к ученикам, и сказал им: «Что вы спите? Вставайте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» [8].

Это извечное и навечное пребывание одного состояния. Агония — длится, и в это время нельзя спать. Итак, время Паскаля «длится» в безвременье — между временем и вечностью... Агония Христа определяет трагизм безвременья, когда «нельзя спать», а нужно возвышаться до Бога... В «Мыслях» Блеза Паскаля это озвучено довольно ярко: «Не могу простить Декарту; он очень хотел бы во всей своей философии суметь обойтись без Бога; Бог дает щелчок и приводит мир в движение; после этого ему с Богом делать нечего». Следовательно, если у Декарта Бог суть внешняя сила, Перводвигатель, придающий миру движение по законам классической механики, то для Паскаля Бог есть начало любви, в одно и то же время присутствующее в нас. При описании атрибутов Бога Паскаль, хотя и утверждает их непостижимость, пытается дать математические сравнения. В XI главе «Мыслей» он

пишет о непознаваемости Бога: «Единица, прибавленная к бесконечности, нисколько ее не увеличивает. Конечное уничтожается в присутствии бесконечного и становится чистым ничтожеством. Так и наш ум перед божественной справедливостью. Мы знаем, что есть бесконечное, но не знаем его природы... Но мы не можем познать разумом ни существования, ни природы божества, потому что оно не имеет ни протяжения, ни границ» [6].

Таким образом, задолго до И. Канта Паскаль понял невозможность доказать существование божества какими бы то ни было физическими или метафизическими аргументами. С той значительной разницей, что Кант искал доказательство в области нравственной, а Паскаль единственное возможное доказательство узрел в вере. «Мы знаем существование Божества посредством веры, — говорит Паскаль, — а природу его — посредством его славы», выражающей себя в жизни праведников.

Вечность Декарта — это актуальное настоящее, в котором нет состояний и дления, следовательно, человек свободен вносить в мир свою мысль и быть уверенным, что мыслит ясно и отчетливо, следовательно, истинно. Напротив, Вечность Паскаля есть ужасная неизбежность либо вечного небытия, либо вечных мучений, а они не знают, что же им уготовано навеки. Взволнованно и вневременно звучат откровения Паскаля: «Я не знаю, ни по чьей воле я в этом мире, ни что такое мир, ни что такое я сам; обо всем этом я в ужасающем неведении... Я знаю лишь то, что скоро должен умереть, но самое для меня неведомое — это смерть, избежать которой мне не удастся». Для Паскаля несомненно одно: срок нашей жизни — всего лишь миг, смерть длится вечно, что бы ни ожидало нас после нее [5, с. 192–193]. «Таким образом, — пишет А. С. Гагарин, — у Паскаля смерть, вечность, страх увязаны неразрывно в экзистенциальный узел, все эти сопряженности имеют топиковременные параметры — ими пронизан каждый миг человеческой жизни, врата смерти готовы распахнуться “сей момент”» [1, с. 349].

Паскалевское «Я не могу простить» в этом смысле относится не только к Декарту, но и ко всей прошлой философии, на которой Декарт воспитывался, и всей будущей философии, которую Декарт воспитал. Ибо чем другим была философия, как не уверенностью, что мир естественно объясним, что человек может «обойтись без Бога».

Здесь возникает проблема о соотношении времени и вечности; мирского, обыденного, исторического времени и вечности, обладающей сакральным смыслом. Что есть мирское время? Время мирское, «индивидуальное, хронологическое, историческое» — и Время священное, «Время вневременное», «мгновенье, лишённое длительности», — именно такой философы и мистики представляют себе вечность после Паскаля или Декарта. В первой из этих двух модальностей Времени протекает (откуда и куда?) повседневная человеческая жизнь, совершаются исторические события, возникают и разрушаются целые миры, разыгрывается нескончаемое действие грандиозной вселенской драмы.

Именно следование рационалистическим принципам естественно-научного познания приводит Паскаля к пониманию того, что логико-математическое строгое размышление всегда исходит из каких-то начальных

утверждений: аксиом, исходных постулатов, которые не имеют и не могут иметь строгого, логического, математического обоснования. Такие исходные положения человек принимает не «умом», а «сердцем», верой. «У сердца есть свои основания, которых разум не знает», — говорил французский мыслитель. Сердце ведаёт всем в человеке, что выходит за пределы его разума, логики, сознания. Иначе говоря, в гносеологическом плане «сердце» избавляет разум от «дурной бесконечности» определений и доказательств, которые, как водится, сплошь и рядом противоречат одно другому.

Ф. Ларошфуко, соотечественник Паскаля, выразил эту мысль коротко и ясно: «Ум всегда в дураках у сердца». Именно путь «сердца» оказывается самым коротким и верным путем к истине, и здесь мы подходим к пониманию важнейшего для нашей жизни феномена, именуемого интуицией. Удивительно, как в Паскале любовь к науке сочеталась со способностью к мистифицированию. Философия Паскаля хотя и дополняет учение Декарта, гораздо более религиозна. Это является примером того, как часто глубокая религиозность ставится выше всякой науки.

Знаменитые «Мысли» Паскаля задумывались как апология христианства. Их фрагментарность указывает на то, что систематичность научного разума не слишком годится для решения тех предельных вопросов, которыми жива философия. «Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем», — писал он. Хотя для Паскаля справедливее было бы сказать, что мы постигаем истину не столько разумом, сколько сердцем.

«Вот что я вижу, и что меня волнует. Я смотрю во все стороны и всюду вижу один мрак. Природа ничего мне не предлагает, кроме того, что вызывает сомнение и беспокойство. Если бы я не видел в ней никаких признаков Божества, то решил бы его отрицать; если бы я повсюду видел следы Творца, то успокоился бы в лоне веры. Но, видя слишком много, чтобы отрицать, и слишком мало, чтобы поверить, я нахожусь в плачевном состоянии, в котором я желал сотни раз, чтобы природа, если ею управляет Бог, указала на него недвусмысленно, или, если ее свидетельства сомнительны, уничтожила бы их совсем; пусть же представит все или ничто, чтобы я знал, какой стороны мне держаться» [7, с. 425].

Действительно, если жизнь полна загадок, то что еще остается человеку, как не стать разгадывателем? А для этого недостаточно учиться и заниматься наукой. «Сердце — вот иная, неизвестная Декарту, неведомая всему рационализму XVII века инстанция. Сердце — особая и высшая способность человека.

Если Декарт доказывает существование Бога, опираясь на разум, то Паскаль делает то же, опираясь на особую «сердечную» (сверхрациональную) интуицию. Человек в сердце превышает себя как разумное существо. И поэтому разум вряд ли можно считать родовой характеристикой человека. Мысль Паскаля бьется над разрешением вечных вопросов бытия: «Уясним же себе, что мы такое: нечто, но не все; будучи бытием, мы не способны понять начало начал, возникающее из небытия; будучи бытием кратковременным, мы не способны охватить бесконечность» [7, с. 418].

Философ имел обыкновение записывать наиболее ценные мысли, приходившие ему в голову: «Я решил записать свои мысли, при этом не соблюдая никакого порядка, и эта чересполосица будет, возможно, намеренной: в ней-то и заложен настоящий порядок, который с помощью этого самого беспорядка выявит суть трактуемого мной предмета. Я оказал бы ему слишком много чести, если бы изложил свои мысли в строгом порядке, меж тем как моя цель — доказать, что никакого порядка в нем нет и быть не может» [7, с. 416].

Паскаль понимает, что никто не может постигнуть тайну бытия, но не может не ставить перед собой вопросов, пытаясь понять причину и смысл всего сущего, хочет знать, что есть он сам, каким непостижимым путем попал в этот мир и куда, согласно своей природе, движется: «Я не знаю, кто вверг меня в наш мир, ни что такое наш мир, ни что такое я сам; обреченный на жесточайшее неведение, я не знаю, что такое мое тело, мои чувства, моя душа, не знаю даже, что такое та часть моего существа, которая сейчас облекает мои мысли в слова, рассуждает обо всем мироздании и о самой себе и точно так же не способна познать самое себя, как и все мироздание.

Я вижу сомкнувшиеся вокруг меня наводящие ужас пространства Вселенной, понимаю, что заключен в каком-то глухом закоулке этих необозримых пространств, но не могу уразуметь, ни почему нахожусь именно здесь, а не в каком-нибудь другом месте, ни почему столько-то быстро текущих лет дано мне жить в вечности, что предшествовала моему появлению на свет и будет длиться, когда меня не станет.

Куда ни взгляну, я вижу только бесконечность, я заключен в ней, подобно атому, подобно тени, которой суждено через мгновение безвозвратно исчезнуть. Твердо знаю я лишь одно — что очень скоро умру, но именно эта неминуемая смерть мне более всего непостижима» [7].

Записи с самого начала не предназначались для печати и при жизни Паскаля опубликованы не были. Они сохранились в виде отдельных листов без всякой системы и порядка. Как бы предвидя готовящиеся упреки, Паскаль писал: «Пусть не говорят, что я не сказал ничего нового: новизна в расположении материала. Когда играют в лапту, пользуются одним и тем же мячом, но один бьет лучше другого». И дело, вероятно, не в одной лапте. Думается, никто не станет возражать против «расположения материала», очевидно, что и лучшая книга состоит из тех же самых знаков, что и обычная.

Великий человек всегда является сыном своего века, и не напрасно, потому что он живет тем, чем живет его время, его страна, общество. Жить — значит творить, гореть, быть предельно занятым, в противном случае это только существование. Можно сказать, жить — значит мыслить. «Человек — всего лишь тростник, самый слабый в природе, но это мыслящий тростник, — писал французский мыслитель. — Не нужно Вселенной ополчаться против него, чтобы его уничтожить: достаточно пара, капли воды, чтобы убить его». Все же величие человека состоит в умении

мыслить. Как писал Паскаль: «Будем же стараться хорошо мыслить: вот начало нравственности» [7, с. 410].

Литература

1. Гагарин С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От античности до нового времени. — Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2001.
2. Декарт Р. Избранные произведения. — М., 1950.
3. Мамардашвили М. Картезианские размышления. — М.: Прогресс; Культура, 1993.
4. Мережковский Д. С. Что сделал Паскаль? (Приложение) // Филиппова М. М. Паскаль: его жизнь, научная и философская деятельность: биографический очерк. — Челябинск: Урал LTD, 1998.
5. Паскаль Б. Мысли о религии. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001.
6. Филиппова М. М. Паскаль: его жизнь, научная и философская деятельность: биографический очерк. — Челябинск: Урал LTD, 1998.
7. Таранов П.С. Философия сорока пяти поколений. — М.: АСТ, 1999.
8. Шестов Л. На весах Иова. — М.: Фолио, 2001.

УДК 2-42:1

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-154-160

МЕСТО СОСТРАДАНИЯ В ПРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

© **Андрей Александрович Тарасов**

иерей, магистр философии, клирик, Свято-Троицкий храм г. Улан-Удэ
E-mail: andrei.anavim@mail.ru

© **Дари Шойбоновна Цырендоржиева**

доктор философских наук, профессор, Бурятский государственный университет
E-mail: dari145@mail.ru

Практическое проявление сострадания представляет собой сострадательную помощь как особый вид социального взаимодействия. Сострадание было актуальным во все времена и не перестает быть актуальным в настоящее время. Для светского общества сострадание — одно из основных понятий нравственности. В христианском обществе сострадание непосредственно связано с понятием любви, которая находит свое отражение в практической деятельности, направленной на помощь ближнему. В христианстве мы впервые встречаемся с теорией благотворительности, в которой устанавливается логическая связь между состраданием и любовью, понимаемой как готовность пожертвовать собой ради других людей. Получив теоретическое обоснование в виде христианского учения о любви и сострадании, милосердии, благотворительность стала принимать систематический характер. Она вошла в повседневную жизнь христианских общин, а созданная на их основе церковь рассматривала ее как одно из важнейших направлений своей деятельности. Христианская идея милосердия часто служила и служит основанием